

СОБРАНИЕ НЕМЕЦКИХ
СОЧИНЕНИЙ И АВТОПЕРЕВОДОВ
В.А. ЖУКОВСКОГО

GESAMMELTE DEUTSCHE WERKE
UND SELBSTÜBERSETZUNGEN
VON V.A. ŽUKOVSKIJ

Издательство Томского университета
2018

НЕМЕЦКИЕ АВТОРЫ В ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ В.А. ЖУКОВСКОГО 1840–1850-х гг.

К.И. Дубовенко

В.А. Жуковский принадлежал, как известно, к числу тех деятелей русской литературы, которые осваивали пространство европейской культуры не заочно, а напротив, – активно включаясь в культурную жизнь других государств. Так, после официального завершения наставнической деятельности и отъезда в Германию русский романтик оказался вовлеченным в масштабный диалог с немецкой культурой, словесностью и разнообразными направлениями гуманитарной мысли, определявшимися современным европейским историческим контекстом, богатым на революции и вооруженные конфликты.

Не имевший единства немецкий мир откликнулся на эти события живо, особенно в сфере литературы, породив пестрое разнообразие художественных направлений и стилей: «Весь этот разнобой, – по выражению А.В. Михайлова, – перекрывался зданием бидермейера»¹. Автор трехтомного сочинения о литературе этого времени Ф. Зенгле определяет его как «крупнейшее направление внутри эпохи Меттерниха (1815–1848)», особенно подчеркивая, что бидермайер – «отнюдь не переходный период, лишенный творческой самостоятельности», и потому необходимо «рассматривать его со всех литературно-исторических точек зрения, включая те, которые прежде никогда не использовались исследователями»². В рамках этого течения, охватившего все сферы человеческой культуры, выделилось направление, которое, условно отделяя от «бидермайера светского», вслед за Ф. Зенгле принято именовать «духовным бидермайером» («geistliche Biedermeier»), соединившим в себе высокую и тривиальную ипостаси. Высокая реализовалась в художественных и религиозно-назидательных сочинениях духовного толка. Тривиальное воплощение духовного бидермайера занимало нишу житейского и бытового, удобного для повседневности, реализовавшись в культуре семейного чтения

¹ Михайлов А.В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века // Языки культуры. М., 1997. С. 100.

² Sengle F. Biedermeierzeit: deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848. Bd. 1. Stuttgart, 1971. S. VII.

получивших массовое распространение духовных книг, в сфере личной религиозности, в том феномене, который назван Жуковским «домашней церковью».

Вопрос об особенностях художественной манеры Жуковского в контексте основных тенденций бидермайера был поставлен И.Ю. Венициким, отметившим, что «тема “Жуковский и немецкий бидермайер” является важной и продуктивной» и «творчество поэта в этом ракурсе еще не рассматривалось»¹. Н.В. Хомук, рассмотрев отдельные оригинальные и переводные сочинения поэта последних двух десятилетий в контексте эстетики бидермайера, пришел к выводу о том, что «тематически-стилевые черты бидермайера позволяют оттенить глубокие проблемы литературы 1830–1840-х гг. в целом, а также преодолеть инерцию “романтизма” как эстетико-классификационной панацеи при характеристике реальной неоднородности творчества Жуковского этого периода»².

Культура бидермайера во всех ее проявлениях была теснейшим образом связана с повседневностью, определяла «поведенческую модель» (Ю.М. Лотман) современников Жуковского в Германии. Важнейшим элементом этой модели являлась высокая читательская и издательская активность: книга стала спутником и атрибутом духовной жизни практически каждого семейства. Спрос на духовно-назидательную литературу был настолько велик, что ее издания составили четверть «всей книжной продукции»³.

При этом читательская аудитория духовного бидермайера значительно превосходила аудиторию бидермайера светского⁴. Значительная часть авторов духовного направления имела теологическое образование или духовный сан: литературная деятельность священнослужителей стала ярко выраженной тенденцией в немецкой словесности первой половины XIX века. Этот феномен получил освещение в известной работе немецкого профессора А. Шене «Се-

¹ *Веницкий И.Ю.* Теодиссея Жуковского: Гомеровский эпос и революция 1848–1849 годов // Новое литературное обозрение. СПб., 2003. № 60. С. 180.

² *Хомук Н.В.* Бидермайер в творчестве В.А. Жуковского 1830–1840-х гг. // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2010. С. 10.

³ *Серкова П.А.* Книжная культура немецкого протестантизма XVII – начала XVIII вв.: Способы самоидентификации человека на пороге Нового времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 5.

⁴ *Sengle F.* Biedermeierzeit: Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848. Bd. 1. Stuttgart, 1971. S. 137.

куляризация как образующая сила слова. Исследования поэтического творчества немецких наследников церкви»¹.

Ключевую роль в процессе вхождения духовной литературы в массы сыграла секуляризация. Это важнейшее политическое явление, ставшее итогом Реформации и Французской революции, лишившее церковь сначала земельной собственности, а потом и мощнейшего внешнего влияния на общество, вынудило религию перейти в сферу частного. Растворение религии в повседневной жизни людей означало, что и религиозные тексты, и их толкование, и сама форма их представления читателю должны были кардинально измениться. На смену теологическим трактатам, изложенным трудным для восприятия языком, пришли религиозные сюжеты, мотивы в литературной обработке, которые в совокупности своей и составили особый род духовно-назидательной словесности.

Таким образом, немецкая духовно-назидательная словесность играла ключевую роль в немецком мире в те десятилетия, которые Жуковский провел в Германии. Новую жизнь обрели романы-проповеди, церковные песнопения, календари христианина, духовная поэзия, традиционным стало изучение древней истории под знаком христианства, а также массовое переиздание и выпуск новых детских Библий и учебников для детей. Книга превратилась в главное средство духовного развития и основной педагогический инструмент.

Тщательное изучение трудов проповедников и авторов «старой Европы» на религиозные и моральные темы стало той необходимой творческой лабораторией поэта, в которой создавались его поздние программные произведения. Для работы с духовными изданиями Жуковский, не изменяя себе, снова выбирает излюбленный метод *texte en regard*, когда параллелью немецкому тексту становятся страницы записных книжек, заполненные конспектами, выписками из прочитанного и собственными мыслями поэта. «Экстракты» различных идей из наиболее значимых изданий были характерным приемом Жуковского-читателя. По справедливому замечанию А.С. Янушкевича, «этот тип чтения и осмысления вообще был присущ Жуковскому, который еще в период начального самообразования обосновал необходимость и значимость “экстрактов”, где чужое становится своим, выписки дополняются собственными мыслями. Подобные экстракты концентрировали впечатление от прочитанного и отражали определенную созвучность мыслей, изложенных читателем, и размышлений Жуковского-поэта. Таким образом, подобные конспекты-

¹ *Schöne A. Säkularisation als sprachbildende Kraft. Studien zur Dichtung deutscher Pfarrersöhne. Göttingen, 1968.*

экстракты становились вехами эстетического и творческого развития их автора»¹. Наиболее яркими репрезентантами подобного читательского приема стали «Конспект по истории литературы и критики» (1804–1811) и выписки из немецкой эстетики и критики 1818–1820-х гг. В поздние годы Жуковский-читатель осваивает новый материал – сочинения авторов немецкого бидермайера, что стало масштабной предварительной работой, вдохновившей русского поэта на создание собственных немецких сочинений и автопереводов, ставших неотъемлемой частью культурного быта эпохи. Читательские стратегии поэта определены на материале его личной библиотеки в монографии Н.Е. Никоновой², определившей немецкую духовно-назидательную литературу как «систему координат» позднего Жуковского. Не менее интересны и немецкие записи на страницах его записных книжек, которые сохранились в архивах.

Из восьми записных книжек периода 1840–1850-х гг., хранящихся в архиве В.А. Жуковского³, четыре содержат немецкие автографы владельца. Наиболее значимые записи находятся в книжках № 67 и 64. В начале записной книжки № 67 обнаруживаются карандашные автографы на немецком языке, разборчивые записи, сделанные рукой Жуковского. Наброски озаглавлены автором «Traurigkeit. Entkleidung» («Скорбь. Снятие оков») и выстроены в определенном порядке, образуя связный текст, занимающий два с половиной листа тетради (№ 67, л. 7–9). Выписки сделаны из второго тома книги «Проповедей» Иоганна Таулера (Johann Tauler, 1300–1361), известного немецкого проповедника, мистика, знаковой фигуры немецкой средневековой культуры⁴. «Проповеди Иоганна Таулера»⁵ в трех томах принадлежат к жанру календарной духовной литературы: каждая глава представляет собой речь, специально предназначенную для определенного христианского праздника. Выписки сделаны Жуковским из одной проповеди, посвященной дню 21 воскресенья после празднования Святой Троицы. Центральным мотивом конспекта стано-

¹ Янушкевич А.С. Выписки В.А. Жуковского из произведений немецкой эстетики и критики // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 2. Томск, 1984. С. 217.

² Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М., СПб., 2015. С. 341–400.

³ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 60–67. Далее ссылки на записные книжки Жуковского даны в круглых скобках с указанием номера книжки и листов.

⁴ Шилов Е. Немецкая средневековая мистика и русские религиозные философы // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2008. С. 200–205.

⁵ Tauler J. Johann Tauler's Predigten. Nach den besten Ausgaben und unverändertem Text in die jetzige Schriftsprache übertragen. Bd. 1–3. 2. Teil. Frankfurt a. M., 1826.

вится мотив страдания, представленного как благо, дарованное христианину. Жуковский выписывает, например (№ 67. Л. 7): «*In Anfechtung lernet der Mensch sich selbst erkennen, wer er ist und was er ist*» (В испытании веры человек учится познавать самого себя, каков он есть и на что способен); «*Darum wird der Mensch seines inwendigen Grundes nimmer besser gewahr, denn in der Anfechtung des Leidens*» (Потому нигде человек не осознает лучше свою истинную суть, чем в испытании страданием). Кроме очевидных автобиографических мотивов, побудивших Жуковского обратиться к этой теме, выписки резонируют с концепцией неоконченной поэмы «Странствующий жид», в которой, по справедливому замечанию И. Ю. Виноцкого, поэт «постарался художественно реализовать свою последнюю поэтическую теодицею, основанную на концепции благого страдания»¹.

Не менее важным в определении возможных мотивов выписок видится близкий поэту рыцарский образ, который является ключевым для проповеди, привлекающей русского классика. Тема богослужения в этот день, согласно лютеранскому церковному календарю, посвящена «духовному оружию». Немецкие записи Жуковского завершаются красочным описанием облачения в доспехи рыцаря-христианина. Этот фрагмент проповеди Таулера, являющийся аллюзией на послание апостола Павла к Ефессянам (Еф. 6: 16–17), у Жуковского графически разбит на строки:

Автограф В. А. Жуковского
 Mit dem Schild des Glaubens,
 mit dem Schwerte des heiligen Wortes
 Gottes und bestehen in göttlicher
 Liebe, in der Wahrheit.

Подстрочный перевод
 Со щитом веры,
 С мечом святого Слова
 Божией, да выстоим в
 Любви и истине.

Рыцарская тема и ранее была одной из важнейших в нравственно-философской и художественной системе Жуковского-романтика, чему поспособствовало влияние масонства, инкорпорировавшего в русскую литературу начала XIX века идею «внутреннего человека». «Близость высокого идеала благородного и совершенствующегося человека рыцарскому этосу была ос-

¹ Виноцкий И.Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое изображение В.А. Жуковского. М., 2006. С. 107.

мыслена в русском масонстве и художественно воссоздана; “духовное рыцарство” стало постоянной темой философствования русской литературы»¹.

Следующая запись Жуковского «Eisenmenger – Entdecktes Judenthum» заставляет обратиться к наследию Иоганна Андреаса Айзенменгера (Johann Andreas Eisenmenger, 1654–1704), немецкого гевраиста и основателя научного антисемитизма. Результатом его усердного труда стало базирующееся на более чем двухстах источниках сочинение «Разоблаченный иудаизм»². Указанное издание относится не столько к духовно-назидательной, сколько к богословско-полемиической литературе, которая представляет собой своеобразную разновидность сочинений авторов духовного бидермайера. Жуковский выписывает из книги «Разоблаченный иудаизм» фрагменты о важнейших элементах эмблематики и религиозно-иудейской символики, образы, цифры, а также те понятия, которые имеют аналогии в христианстве и составляют основу поздней религиозно-романтической концепции поэта. Стремление получить знания о религии еврейского народа было почвой, подготовившей рождение Иерусалимского проекта, задуманного поэтом за три года до кончины и изложенного в письмах великим князьям Александру и Константину Николаевичам, а также стимулом для возвращения к работе над неоконченной поэмой «Странствующий жид», ставшей последней поэтической исповедью русского классика.

В архиве В.А. Жуковского³ сохранился экземпляр еще одного известного в книжной культуре духовного бидермайера сочинения, содержащий на вшитых в него чистых листах рукописные заметки поэта на немецком языке. Книга «Напоминание о грехопадении, искуплении и загробной жизни» немецкого теолога Юлиуса Мартина⁴ открывает замысел русского романтика, связанный с предполагавшимся переводом сочинения. Четыре листа заполнены карандашными записями владельца, которые условно можно разделить на шесть тезисов, объединенных темой грехопадения. Жуковский изучал труд немецкого проповедника в начале 1840-х гг., сразу после выхода книги из печати. Выбор «Напоминания о грехопадении» для осуществления перевода на русский

¹ Канунова Ф.З., Айзикова И.А., Никонова Н.Е. Эстетика и поэтика переводов В.А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 383.

² Eisenmenger J. Entdecktes Judenthum. Amsterdam, 1700.

³ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. №59.

⁴ Martin J. Erinnerung an die Lehren von der Sünde, von der Erlösung und von dem Schicksal des Menschen nach dem Tode. Marburg, 1840.

язык в известной мере обуславливается окружением первого русского романтика в Германии. Мотив греха не просто был организующим при чтении поэтом немецкой духовно-назидательной литературы, образуя важнейшую составляющую в системе позднего религиозно-романтического сознания В.А. Жуковского, но и нашел свое воплощение в цикле поздних статей 1845–1850-х гг. «Закон и грех», «Плоть-дух», «Таинство причащения» и др.

Об авторе «Напоминания о грехопадении» Юлиусе Мартине, учителе семинарии и внештатном священнике г. Хомбурга, известно немного, несмотря на то, что его труды пользовались популярностью в эпоху Нового благочестия и неопиетизма. «Напоминание о грехопадении, искуплении и загробной жизни», написанное им в 1840 году преследует цель, по собственному выражению автора, «представить свои убеждения, которые состоят в полной гармонии с учением Церкви»¹. Книга адресована «образованным мирянам» («für gebildete Laien»), которые могли обрести в предложенном размышлении духовную пищу. Сочинение Ю. Мартина состоит из трех объемных разделов, которые, в полном соответствии с названием книги, посвящены грехопадению (Vom Sündenfall), искуплению греха (Von der Erlösung) и судьбе человека после его смерти (Das Schicksal des Menschen nach dem Tod).

По замыслу В.А. Жуковского русскоязычная версия книги о грехопадении, искуплении и загробной жизни должна была предваряться предисловием переводчика, которое послужило бы органическим дополнением к авторскому кодексу. Русский текст на первой странице записей начинается утверждением: «Я христианин» (Л. 2). Продолжают размышления поэта тезисы о наследном грехе и невозможности его искупления, верным путем для верующего, по мысли автора записей, является избрание «христианского пути»: пути не свободы, но любви Божией. Финальный абзац рукописного наброска предисловия начинается словами: «Счастлив христианин внутри пути христианского» (Л. 2). Это утверждение напрямую соотносится с христианской философией В.А. Жуковского, согласно которой «прошедший через грехопадение, осознание своей греховности и раскаяние, исполненный скорбью по поводу своего несовершенства, человек способен выбрать путь самосозидания, приближающий его к Богу»².

¹ *Martin J.* Erinnerung an die Lehren von der Sünde, von der Erlösung und von dem Schicksal des Menschen nach dem Tode. Marburg, 1840. S. 1.

² *Айзикова И.А.* Евангельские идеи, мотивы, образы в «святой прозе» В.А. Жуковского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 2008. С. 172.

Последующие записи представляют собой перевод отдельных частей из первой главы книги Ю. Мартина «Грехопадение». К примеру, Жуковский переводит: «Бог в начале создал одного человека – мужа и жену. Это равномерно утверждает древний (1 М. 1.2) и новый завет. Бог создал чтобы все поколения людей на земле от одной происходили крови говорит апостол Пав<ел>» (Л. 6); «Первый человек создан чистым»; «Зло вошло в мир не вследствие творческого акта»; «Все в нем есть следств<ие> его воли»; «Следовательно человек создан им без греха» (Л. 8). На последней странице издания Жуковский составляет собственный план издания, который, вероятно, послужил бы оглавлением к русскоязычной версии книги, если бы ее перевод был завершен (в немецком издании оглавление отсутствует). Интересны некоторые отличия этого плана от композиции оригинала: к примеру, отсутствие раздела о вечном проклятии.

Известно, что после рождения собственных детей воспитание снова стало для Жуковского первостепенной задачей. В архиве ИРЛИ РАН среди многочисленных материалов находится папка под названием «В.А. Жуковский. Записки»¹, содержащая в себе разрозненные бумаги поэта преимущественно позднего периода. Значительную часть при этом составляют черновые записки, планы, чертежи и таблицы Жуковского-педагога. Один из таких планов позволяет проникнуть в замысел педагогического издания, составленного из лучших учений европейских авторов. Имена французских, немецких, русских педагогов соседствуют в различных рубриках, как-то: «Чтение», «Воспитание», «Письмо». И все же немецко-швейцарская педагогика выступает опорой педагогического замысла Жуковского.

Выписки позднего Жуковского из немецких книг свидетельствуют о том, что духовно-назидательная словесность бидермайера содержала в себе важнейшие интенции, импонирующие его исканиям. Рукописные записки фиксируют соединение в творческом горизонте их автора педагогики с сочинительством и культурой чтения. Мотивы для обращения Жуковского к духовно-назидательной прозе были связаны не только с его автобиографическим контекстом, но и с социально-историческим контекстом середины века, всеобщим чувством надвигающихся катастрофических перемен, изменением представлений о человеке и мире. В эту эпоху творчество, религия и быт как сферы жизнедеятельности человека в европейской культуре теряли свои жесткие границы, а философия бидермайера задавала соответствующий подход, не

¹ ОР ИРЛИ РАН. Ф. № 27. 844.

предполагавший ориентации на абсолютные категории. Призмой становилась сама жизнь и обычный человек в его будничном существовании. Жуковский в поиске жизненной христианской философии вслед за окружавшим его немецким миром обратился не к исключительности личности, не к ее возвышению, а к универсальным основам жизнестроения, в равной степени важным для каждого человека. Духовные штудии поэта сфокусировались на общечеловеческих ценностях, и религиозно-ортодоксальные границы между католицизмом, протестантизмом, православием и иудаизмом потеряли для него свою сдерживающую силу. Такой аутентичный контекст бидермайера позволяет осмыслить в единстве разные ипостаси творчества позднего Жуковского, поэта, педагога, мыслителя и переводчика собственных произведений на немецкий язык, а также задает альтернативную парадигму для рассмотрения наследия его позднего романтизма на адекватной ему территории транскультурного развития.